

УДК 930.85

Панин А.С.¹

**РАВНИНЫ ТАРТАРИИ.
ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ ИНОСТРАНЦАМИ В XV-XVI ВВ.²**

Челябинский государственный колледж индустрии питания и торговли

Panin A.S.

**THE PLAINS OF TARTARY.
THE PERCEPTION OF RUSSIA BY FOREIGNERS IN THE XV-XVI CENTURIES**

Chelyabinsk State college of food and trade industry

Аннотация: В статье говорится о первых знакомствах Европы с «русским миром» и значимости возникающих в это время представлений. Многочисленные социальные стереотипы, исторические мифы и политизированные суждения европейцев о России появились уже в XV - XVI веках. Многие из этих особенностей восприятия «русского региона» и сегодня продолжают иметь место в европейской культуре.

Abstract: The article talks about Europe's first acquaintance with the "Russian world" and the importance of the ideas that arose at that time. Numerous social stereotypes, historical myths and politicized judgments of Europeans about Russia appeared already in the XV - XVI centuries. Many of these features of the perception of the "Russian region" continue to take place in European culture today.

Ключевые слова: Восприятие России, суждения европейцев, социальные стереотипы, исторические мифы, политизированные суждения.

Keywords: Perception of Russia, judgments of Europeans, social stereotypes, historical myths, politicized judgments

В XV - XVI веках на просторах Евразии, на бесконечной «равнине Тартарии», появляется новое государство, сразу заявившее о себе как о равноправном участнике мировой истории. Возводя свои основания к римским кесарям и византийским самодержцам, это государство, «Третий Рим», с конца XV века принимает имя Россия.

Для европейцев же это была Московия, край мира о котором у географов были самые

¹ Панин Алексей Станиславович, кандидат исторических наук

² Материалы научно-практической конференции «Русофобия: история и методы противодействия» ТулГУ 19 апреля 2024 года. Конференция организована на средства гранта Правительства Тульской области в сфере науки и техники. Постановление Правительства Тульской области 03.07.2023 г. № 371 «Об итогах конкурса грантов Правительства Тульской области в сфере науки и техники 2023 года». Договор на выполнение работ ДС/107/ИГиП/23/ТО от 27 сентября 2023 г.

смутные представления. Купцы, дипломаты и авантюристы торопятся поведать просвещённой Европе о новой стране, наступательные войны и религиозные споры придали теме России политическое звучание, сделав сочинения иностранных авторов уникальными источниками по самым разным сторонам жизни молодого Московского государства.

Новый мир, неведомый и опасный, начинался для европейцев уже где-то за восточной границей германских княжеств. «Как только западный путешественник XV или XVI века, направляясь из Германии к востоку, заезжал за Одер... он уже начинал чувствовать переход в другой мир, отличный от того, который он оставлял позади себя... Количество вод и лесов увеличивалось, жилые места встречались всё реже, а вместе с эти увеличивалась глушь и неизвестность страны...» [2, С.3]. Одним из смельчаков проникшим в земли далеко к востоку от Европы стал венецианец Барбаро, который будучи купцом по роду занятий и путешественником по необходимости, прожил ряд лет (1436 – 1452 гг.) в Тане, венецианской колонии при устье Дона.

Труд Барбаро «Путешествие в Тану» отразил наблюдения автора над окружавшим его степным и приморским миром, «равниной Татарию», которую в это время ещё нередко называли «Тартарией», подразумевая её пограничный характер по отношению к адским безднам Тартара. В своё сочинение Барбаро включил и описание Москвы, хотя сам там не был.

В Москве побывал Контарини, посол Венецианской Республики в Персию (1474 – 1477 гг.), он благополучно достиг этой страны и смог даже вернуться обратно, посетив по дороге Москву. Свои странствования он описал в сочинении «Путешествие в Персию». «От XV столетия сохранилось немного сообщений о нашей стране, поэтому нельзя не подчеркнуть, что изучение трудов Барбаро и Контарини дало неожиданно удачное объединение и даже установило последовательность исторических свидетельств. Их совокупность представляет интереснейшую по своей цельности фиксацию впечатлений очевидцев от огромных частей нашей Родины – таких, какими они были в XV веке» (1, С.4).

Москва как главный город Московии удостоилась отдельного описания. Подробнее всего описана торговля – возможно Барбаро рассчитывал вернуться при случае на московские рынки. Он заметил, что хлеб и мясо по причине изобилия в Московии никто не взвешивает, а отпускают щедрою рукой на глаз. Впрочем, на рынках Москвы для итальянцев несколько холодно – зимой торгуют прямо на льду реки, здесь сильный мороз, мясные туши прочно стоят на своих ногах, а винограда не отыскать днём с огнём. Однако русские из подручных средств варят весьма неплохой алкоголь из мёда или «сбивающее с пути» пиво. Русские как обычно много пьют.

Собственно, сама Россия интересует тоскующего без вина итальянца постольку поскольку. Интересы Венецианской республики в большей степени связаны с Золотой Ордой, где-то на границах которой и расположена страна русских. «Равнина Татарии представляется человеку, стоящему посередине, в таких границах: с востока она имеет реку Ледиль [Итиль - Волгу]; с запада и северо-запада – Польшу, с севера – Россию...» (1, С.137). Что до России, то в неё попадают, направляясь к северо-востоку. Это страна обильная хлебом, мясом, мёдом «и другими полезными вещами». Повсюду много лесов и деревень. Повсюду готовят «бузу», «что значит пиво».

В текстах Барбаро и Кантарини много совпадений. Первый мог пользоваться сочинениями второго, вышедшими из печати чуть ранее его собственных. В вопросе о России XV века из двух венецианцев главным свидетелем является Кантарини. Двигаясь к юго-востоку от Татарии и благополучно достигнув Московии, венецианец сообщает о здешних лютых морозах (в Московском своде случайно зафиксированы метеорологические сведения этого периода – зима была на редкость тёплой и бесснежной), особо пишет о торговле пушниной, считая Москву центром подобной торговли, куда со всех сторон везут меха соболей, лисиц, горностаев, белок и иногда рысей. Не забывает много молиться. «Когда это было угодно богу, мы вступили на землю России... 26 сентября 1476 г. мы, с пением молитвы «Тебе бога хвалим» и вознося благодарения богу, который избавил нас от множества бед и опасностей, вступили в город Москву» (1, С.225).

Название города итальянец выучил не вполне твёрдо, порой называя его просто «город Московия» отмечает, что он расположен на небольшом холме и «весь деревянный, как замок, так и остальной город». Как ни странно, чрез город бежит «река, называемая Моско». В этом городе уже живёт мастер Аристотель из Болоньи, «строитель, который строил церковь на площади» и «много греков из Константинополя, приехавших сюда вместе с деспиной».

«Деспиной» называет Кантарини Софью Палеолог, наследницу морейских деспотов и византийских самодержцев, перхавшую из Рима, чтобы стать супругой Великого князя московского. Великий князь по замечанию Кантарини пребывает в столице. А вокруг города на сотню вёрст тянутся большие леса, «их ведь вообще очень много в стране». Несмотря на обилие лесов Московия очень богата «всякими хлебными злаками». Наблюдательный венецианец замечает, что русские очень красивы, как мужчины, так и женщины, «но вообще это народ грубый».

С горечью католик Кантарини отмечает, что римский папа русским не нужен, у них есть свой собственный, а нашего же «они не признают и считают, что мы вовсе погибшие

люди». Русские «величайшие пьяницы и весьма этим похваляются, презирая непьющих». Вин у них действительно нет, но «они употребляют напиток из мёда».

Повседневная жизнь москвитов достаточно однообразна. Утром они обычно стоят на базарах, после полудня «отправляются в таверны есть и пить», после обеда удаляются на покой и «уже невозможно привлечь их к какому-либо делу». Лень русских – главное спасение для Европы. «Князь, насколько я понял, владеет большой страной и мог бы иметь достаточно людей [для войска], но множество среди них – бесполезный народ. В северо-западном направлении страна эта граничит с Германией... Я мог бы продолжить свой рассказ, но он был бы слишком длинен, если говорить обо всём...» (1, С.229).

Как только Контарини оказался в Москве, он пытается оттуда уехать. Поэтому встречи с великим князем, высоким и красивым человеком лет тридцати пяти, стали частыми. В общей сложности Кантарини был на приёме у Ивана III четыре раза. Атмосфера дружелюбия и хмельные напитки способствовали установлению дипломатических отношений между Московским царством и Венецианской республикой. Великий князь был добр к венецианцу и даже разрешил ему много не пить из поднесённой в знак «величайшей чести» огромной серебряной чаши. Усилия Кантарини не пропали даром – на прощальном особо торжественном пиру купец становится уже дипломатом, отправляемым назад в родную Венецию с уверениями, в том, что Великий князь отныне «добрый друг» республиканскому правительству маленькой Венеции.

Так налаживались дипломатические контакты в XV веке, так на международную арену выходит неведомая прежде европейцам Россия.

После того как Россия приняла герб, наследницу и миссию Византии по распространению истинной христианской веры, она всё чаще сталкивается на своих западных границах с иноверцами-иноземцами, которых всех скопом на Руси привычно называют немцами. Купцы и дипломаты из Европы всё чаще посещают Московию теряясь в её бескрайних пространствах и отчётливо понимая, что не понимают в этой стране ничего, несмотря на предыдущих венецианцев, как будто уже описывавших эти края. «Писатель первой четверти XVI века, приступая к описанию Московии, должен был сознаться, что западные космографы и географы его времени без стыда и совести рассказывают о северо-восточной Европе всякие небылицы, показывающие, что их сведения о ней недалеко ушли от сказаний древних греческих и римских географов...» [2, С.4].

Одним из первых европейцев-писателей XVI века взял на себя задачу заново описать Московию барон Герберштейн (1486 - 1566). Человек дотошный и ответственный, знающий славянские наречия и не боящийся в отличие от южан-венецианцев русских морозов, он

вникает в самые разные подробности политического устройства и быта загадочной страны – между прочим, впервые указывая, что местное население предпочитает называть её Россией. «О происхождении названия Russia существуют различные мнения... Большинство считает, что «Россия» — это изменённое имя «Роксолания». Сами же москвиты, отвергая подобные мнения, как не соответствующие истине, уверяют, будто их страна изначально называлась «Россея», а имя это указывает на разбросанность и рассеянность её народа, ведь «Россея» на русском языке и значит «разбросанность» или «рассеяние». Это имя очевидно справедливо, так, как и до сих пор различные народы живут попеременно с обитателями России...» (2, С.35).

Уже попытки выявить точное название и определить его происхождение вызывают уважение. Подробно останавливается барон Герберштейн и на истории нашей страны, справедливо полагая, что именно прошлое, равно как язык и культура, определяют настоящее любого народа. «Каково бы ни было происхождение имени «Россия» народ этот, говорящий на славянском языке, исповедующий обряд и веру Христову по греческому обычаю, называющий себя на родном языке Russi, а по латыни Rhuteni, столь умножился, что-либо изгнал живущие среди него иные племена, либо заставил их жить на его лад, так что все они называются одним и тем же общим именем «русские» ...» (2, С.35-36).

Безмерные расстояния, устройство российской бюрократии и придворного церемониала – всё находит отображение в «Записках» внимательного барона. Больше всего посланника Священной Римской империи занимают политические претензии нового Рима.

Опять обращаясь к языку и истории, он считает своим долгом объяснить, что, хотя Московия велика и обильна, называть её правителя императором нет никаких оснований. То, что русские цари в переписке с западными коллегами, величают себя неподобающими титулами – считалось, что император в Европе может быть только один – не более чем особенности перевода. Русский Великий князь или даже царь совсем не император и не соперник западным властителям. Частые успешные войны на южных рубежах на самом деле далеко не всегда победоносны и всё дело только в предвзятом общественном мнении: москвиты просто любят хвалить своих государей.

«Хотя государь Василий был очень несчастлив в войне, его (подданные) всегда его хвалят его, как будто он вёл дела со всяческой удачей. И пусть домой иногда возвращалась едва не половина воинов, однако москвиты делают вид, будто в сражении не потеряно ни одного. Властью, которою он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира...» (2, С.87-89).

Вопросы веры для человека позднего Средневековья неразрывно были связаны с

внешней политикой и определяли особенности культуры. Каждый из иностранцев в России, не исключая барона Герберштейна, уделяет внимание особенностям религии русских схизматиков. В это время в Европе появляются собственные раскольники-протестанты, однако претензии московитов на следование единственно истинной христианской вере всё равно оставляют у барона-католика неприятный осадок. «Московиты похваляются, что они [одни только] истинные христиане, а нас осуждают как отступников от первоначальной церкви и древних уставов...» (2, С.217).

Как ни подробны снабжённые иллюстрациями и картами «Записки» барона Герберштейна, как ни любопытны приведённые в них подробности и детали, в каких-то существенных чертах, говорящих об особенностях восприятия европейцами «русского мира», они напоминают все последующие иноземные описания Московии.

Английский мореходец и первый представитель Англии при дворе царя Ивана Грозного Ченслер (ум. 1556) также уделяет внимание особенностям русской веры (5, С.134). Он сообщает, что действительно русские «соблюдают греческий закон» однако при этом оставаясь ещё и приверженцами суеверия, «подобного которому ничего не известно». Они не знают греческого языка как, впрочем, и латыни, их церкви не украшаются картинами или «изваянными изображениями» но только нарисованными особым образом на досках образам – русские этим доскам поклоняются. При этом московиты считают цивилизованных англичан (несмотря на Марию Стюарт преимущественно протестантов) кем-то вроде турок и только «наполовину христианами», себя же полагают христианами полными и «безгрешными».

Служат московиты на странном русском языке, в храмах ежедневно читают и Ветхий и Новый Завет «но суеверие не уменьшается». По уверениям англичанина русские не понимают того, что читает им священник и вообще не слушают, усевшись в Божьем храме и занимаясь своими делами – подобное описание службы несколько напоминает католическую мессу и заставляет предположить, что англичанина, «христианина наполовину», русские в церковь могли и не пустить.

Описывает английский моряк и христианскую столицу «великого царя России». Он не может не отметить, что Москва размерами превосходит Лондон со всеми его предместьями, утешаясь, впрочем, тем, что построен город «очень грубо» а главное стоит как Бог на душу положит без всякого любезного европейцу порядка.

Отмечая также традиционные морозы и непрерывные войны, Ченслер приходит к выводу о крайней неприхотливости русских воинов и русских в целом – по его мнению «под солнцем нет людей, способных к такой жизни, какую ведут русские».

Повидавший всякое Ченслер, тем не менее, утверждает, что ещё не видел такой страны «около нас», которая как Россия могла бы гордиться «такими людьми и животными». На счастье, стран поблизости от Англии русским не хватает европейского порядка и цивилизации. Англичанину страшно предположить, что могли бы сотворить эти неутомимые люди верхом на не менее неутомимых лошадях, если бы только они были «выучены порядкам и познаниям цивилизованных войск». Когда бы только «великий и могущественный царь России» смог организовать свою армию на европейский манер, то и объединенные усилия «лучших и сильнейших христианских государей» не смогли бы остановить русских в движении «к последнему морю» – в силу величия и могущества русского царя, «суровости и выносливости его народа и лошадей».

Рисуя потенциального коммерческого партнёра и военного союзника Англии широкими мазками, Ченслер говорит, что, не смотря на отсутствие цивилизации русские могли бы быть великими. И тогда никто бы в Европе не смог их победить, а «от их соседей остались бы только кой-какие остатки».

«Книга» Ченслера сыграла свою роль в формировании массовых представлений европейцев о Московии. Торговую компанию, организованную в Англии для поиска северо-восточного прохода в Китай и прочие неведомые, но обязательно богатые страны, срочно переименовывают в Московскую, англичане основывают торговую факторию в Холмогорах и налаживают дипломатические отношения с «великим и могущественным» царём москвитов Иваном Грозным.

Однако Ченслеру не повезло, однажды он утонул, и первым послом Англии в России стал уже Энтони Дженкинсон (1529 - 1610). Кажется, его основная задача по-прежнему найти кратчайший путь в Восточные страны, но на этом пути неизбежно вставала Москва. Книга Дженкинсона после описаний долгого и трудного пути из Англии в Россию даёт очередное описание этого города, несколько превосходившего Лондон (4).

Английский купец соглашается с английским моряком, что Москва «обширный город», здесь во множестве стоят деревянные дома, хотя между ними попадаются и каменные, «с железными ставнями», тут и там высятся церкви – иногда каменные, чаще деревянные, которые, добавляет англичанин, уже настрадавшийся от русских холодов, «зимою топят». С подробностями описывается московский кремль, «дворец Царский», который, по мнению английского посланника, представляет собой «очень большой и прекрасный замок». В подробностях описывается и жизнь обитателей «прекрасного замка», торжественные приёмы сотен послов, хлебосольство русского царя, различные виды крепких алкогольных напитков.

Уделяет внимание Дженкинсон и описаниям жизни за пределами кремлёвских стен. Россия поражает англичанина протяжённостью, обилием низменных и болотистых мест, рек и лесов, однако страна богата и хлеб родит в изобилии. Отмечаются подробности русской бытовой жизни, у русских всё не как у европейцев и даже женщины у них «весьма послушные», жёны «содержатся строго» и выпускаются из дома не каждый день, а «только в некоторые времена года».

Однако государственный человек интересуется женщинами во вторую очередь, важнее всего государственное устройство потенциального союзника. Больше всего поражает англичанина самодержавная власть, особенности судебной системы, при которой царь «все дела вершит сам» строгие законы, а также военная мощь огромной страны – русский царь уже «победил Поляков, Лифляндцев, Литву, Шведов, татар и идолопоклонников, называемых Самоедами».

Русская культура преимущественно православная и Дженкинсон обращается к организации русской церкви – «в церковных делах митрополит поступает как захочет» и даже Царь «почитает его». Говоря о Церкви, англичанин говорит о России. Он также сообщает, что русские придерживаются «обрядов и предписаний» Греческой церкви, но довольно своеобразно и по-своему, в частности поклоняюсь «многим изображениям, нарисованным на досках», особенно предпочитая кланяться нарисованному Святому Николаю. Русские очень набожны, в течение одного года «они соблюдают четыре поста», а неделю перед карнавалом москвиты зовут непонятно – масленицей.

Вертикаль власти, выстроенная грозным русским царём, поражала европейцев, а после втягивания России, – в ходе двадцатилетней Ливонской войны, – в вооруженный конфликт с половиной Европы, стала предметом жесткой критики и одним из главных показателей варварства русских.

Практически одновременно с англичанами время правления Ивана Грозного описывает сын немецкого бюргера по рождению и солдат удачи по призванию Генрих Штаден. В своих «Записках» объединивших описания его подвигов во времена опричнины, художественную автобиографию и план первого блицкрига против России, русский царь, тиран и деспот, рисуется преимущественно чёрными красками [4, С.232].

Как уверял императора Рудольфа II беглый царский опричник, «жесток и ужасна тирания великого князя», внутри страны он не пользуется поддержкой ни священнослужителей, ни мирян, враждебны ему и «все окрестные государи». Московия – «колосс на глиняных ногах», завоевать её можно в ходе одой небольшой победоносной компании при посредстве двухсот новейших железных мортир и тысяч ста наёмников. Да и

то большая часть солдат потребуется для гарнизонов по крепостям и монастырям необъятной оккупированной территории. Жестокий тиран, конечно, не окажет никакого сопротивления, его легко будет захватить и доставить на суд в Европу. Где, объявив Ивана Грозного военным преступником, на его глазах следует перебить всех русских пленных, чтобы им впредь было неповадно воевать с европейцами. Кроме прочего подобная массовая казнь станет решительным испытанием веры: русский царь, которого на всякий случай Штаден называет только устаревшим титулом Великого князя, конечно, станет молиться богу, возможно используя любимый нарисованный на доске образ Святого Николая или прибегая к посредству «других усопших святых». Глядя на тщетность русских молитв, европейцы непременно «будут укрепляться этим» и получают, наконец, возможность гордо сказать, что именно они, а не русские «суть подлинные христиане».

Утверждение христианской веры через массовую гекатомбу русских характеризует Штадена как человека довольно своеобразного. По поводу его «Записок» историки долго спорили, определяя степень их достоверности и научной значимости. Тем не менее, циничность и русофобия немца-опричника Штадена делают его наблюдения по-своему точными. В его характеристиках Московии порой проглядывают интересные описания непостижимых русских и их варварской страны. Оказывается, русские крестьяне достаточно сведущи в науках, – по выражению Штадена «во всяких шельмовских штуках», – спорить с ними немцам не рекомендуется, крестьяне могут ненароком превзойти европейских учёных и юристов «во всяческих казусах и вывертах».

Подробный в одном, в другом хитрый Штаден и сам зачастую оказывается не слишком компетентным, описывая бескрайнюю Московию. Излагая выгоды присоединения России к Священной Римской империи германской нации в качестве одной из «имперских провинций», вероятно наслушавшийся англичан Штаден уверяет императора, что через Московию ему откроются все пути в земли Востока, а «через окрестные страны» можно будет легко прийти и до Америки.

Правда, несмотря на наличие новейших железных мортир и храбрых ландскнехтов, не оставляющих за собой «ни кола, ни двора», завоевание русской провинции может оказаться несколько обременительным предприятием. Сообщая, как легко татары побеждали русских и жгли Москву, Штаден между строк упоминает и об организации русского регулярного войска, и о победах русского оружия. Хотя сейчас, на счастье императора Рудольфа, воевод в России не осталось, церкви со всеми их образами стоят заброшенными, а «всемогущий Бог» наказал Русскую землю «так тяжко и жестоко, что никто и описать не сумеет», Московия остаётся хорошо организованной грозной силой.

Тиран и деспот Иван Васильевич организовал в своей Московии порядок и не снившийся германским землям, в которых шатается множество вооружённых до зубов «побирох» – «воинских людей», с которыми «можно было бы взять не одну страну» а пока они бездельничают, побираются и поворовывают «за что кое-кого и вешают». В дикой России всё не так как «в христианском мире», к концу XVI столетия «нынешний великий князь» непостижимым для немецкого ландскнехта образом достиг того, «что по всей Русской земле, по всей его державе – одна вера, один вес, одна мера!». Самодержавная власть русского царя предмет не только страха, но и некоторой зависти. В Московии правит царь, и всегда исполняется, то, что он прикажет и «всё что запретит, – действительно остаётся под запретом».

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что известные нам описания Московии как особенного «русского мира», составлены зачастую людьми пристрастными, что уже на исходе Средневековья порождало первые мифы о России. Многочисленные европейские «описания Московии» и во второй половине XV века и в XVI столетии одинаково показывают читателю плохие русские дороги, лютые морозы, варварские обычаи и странную веру не отличимую от суеверия.

В восприятии европейцев русские – это суровые люди, безусловно преданные своему «очередному великому князю», самодержавная власть в России поражает воображение не меньше, чем безмерные расстояния, а будущее Московии кажется пугающим в своих перспективах. Отсутствие видимой цивилизации в России было не столько поводом для осуждения русских, сколько возможностью для самоуспокоения европейцев.

Возникшее на краю обитаемого мира, на «равнинах Тартарии», упираясь одной стороной в Ледовитый океан, а другой в Америку, Россия для европейцев страна, которая ещё только может достичь величия – и тогда «никто в Европе» не сможет соперничать с русскими.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV веке / Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. – Ленинград, Издательство «Наука», 1971. - 276 с.
2. Герберштейн, С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. 1: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Малеина и А.В. Назаренко, с ранненововерхненемецкого А.В. Назаренко. – 776 с., ил.
3. Герберштейн, С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. –

М.: Памятники исторической мысли, 2008. Т. 2: Статьи, комментарий, приложения, указатели, карты. – 655 с., [24] л. цв. ил.

4. Дженкинсон, Э. Путешествие английского купца Антона Дженкинсона из Лондона в Москву в 1557 году. Переводчик: Середонин С.М., Готье Ю.В. [Текст приводится по изданию: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке: Пер. Ю. В. Готье. — М.: Соцэкгиз, 1937.]. – М.: Директ-Медиа, 2010. - 306 с.

5. Ченслер, Р. Книга о великом и могущественном царе России / Переводчик: Середонин С.М., Готье Ю.В. [Переводы 1884 и 1935 гг.]. – М.: Директ-Медиа, 2011. - 134 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 1024 с., илл.

2. Ключевский, В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве / В.О. Ключевский. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 269 с.

3. Московия при Иване Грозном глазами иноземцев / Г. Штаден, А. Шлихтинг и др. – М.: Ломоносовъ, 2017. - 232 с., ил.

4. Россия XV – XVII вв. глазами иностранцев / [Подготовка текстов, вступительная статья и комментарии Ю.А. Лимонова]. - Л[енинград]: Лениздат, 1986. – 543 с.

REFERENCES (transliteration)

1. Karamzin, N. M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo / N.M. Karamzin. – M.: Izd-vo Eksmo, 2003. – 1024 s., ill.

2. Klyuchevskij, V.O. Skazaniya inostrancev o Moskovskom gosudarstve / V.O. Klyuchevskij. – M.: Direkt-Media, 2014. – 269 s.

3. Moskoviya pri Ivane Groznom glazami inozemcev / G. Shtaden, A. Shlihting i dr. – M.: Lomonosov", 2017. - 232 s., il.

4. Rossiya XV – XVII vv. glazami inostrancev / [Podgotovka tekstov, vstupitel'naya stat'ya i kommentarii Yu.A. Limonova]. - L[eningrad]: Lenizdat, 1986. – 543 s

Рецензент: Кочеткова И.В. – доцент кафедры правовых дисциплин ФГОУ ВО ТГПУ им. Л.Н. Толстого, канд. юрид. наук.